

Николай Златовратский

Авраам

Николай Златовратский

Авраам

«Public Domain»

1878

Златовратский Н. Н.

Авраам / Н. Н. Златовратский — «Public Domain», 1878

«Лето я провел в одной деревеньке, верстах в двадцати от губернского города, значит – «на даче», как говорят в провинции, хотя вся дача моя заключалась в светелке, нанятой за три рубля во все лето у крестьянина Абрама....»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Николаевич Златовратский

Авраам

* * *

Лето я провел в одной деревеньке, верстах в двадцати от губернского города, значит – «на даче», как говорят в провинции, хотя вся дача моя заключалась в светелке, нанятой за три рубля во все лето у крестьянина Аврама.

Абрам был мужик лет шестидесяти с лишком, высокого роста, довольно плотный, с широкою, сивою бородой и большими глазами, смотревшими из-под навеса седых бровей. Вообще, несмотря на лета, он очень сохранился; в нем не замечалось старческой дряхлости, но сам он, заметно, желал казаться дряхлее, изредка покряхтывая, пощупывая свою поясницу и горбясь более, чем, может быть, следовало. К такому невинному «остариванию себя», если можно так выразиться, он стал прибегать с тех пор, как вырастил и пристроил сыновей и почувствовал, что страда крестьянской жизни, которую он тянул в продолжение полувека, как будто отлегла от него. Он вступил уже в число «стариков», в этот ареопак крестьянского мира¹. Не кряхтеть и не горбиться было нельзя, это требовалось для поддержания неотъемлемо принадлежащих этому званию прав: права сидения под вечер на завальне у общинной житницы, среди седовласых сверстников в нахлобученных по уши шляпах-гречневиках, права неторопливых и солидных рассуждений на темы, что «без бога ни до порога», что «обычай блюди», что «старика на душу греха брать не станут» и т. п., наконец, права выпивания с подобающе важностью штрафной косушки, с приличными насчет штрафованного изречениями. Этого, впрочем, показалось Авраму недостаточно; ему хотелось закрепить за собой право не только на звание «старика» просто, но еще и «благомысленного старика», носителя и хранителя старозаветных «дедовских» преданий, исконной морали и обычного культа. Вот почему, отделив младшего сына, выдав замуж дочерей и приведя, таким образом, согласно вековым традициям, к вождьленному концу все, что требуется по идеалу обстоятельного крестьянства, Абрам сказал детям: «Ну, родные, потрудился я для вас довольно; теперь надо мне и для своей души потщиться, сколь моей силы хватит. Пора и об душе дать старику подумать». Решив таким образом, Абрам пошел к священнику и принял от него благословение в путь за сбором с доброхотных дателей на украшение местной убогой церкви. Сбирал он, ходя по святой Руси, три года, и только месяца за два до того, как я познакомился с ним, вернулся в свою родную деревню. Теперь он уже был вполне «благомысленным стариком», почитаемым причтом, с батюшкой во главе, выбранный миром в помощники церковного старосты и в десятские своей деревни, он мог мирно доживать свой век, являя собою перед молодым поколением деревни тот идеал мирного и трудового крестьянского жития, который осуществил он в своей жизни.

Жить мне у Аврама было хорошо, покойно. В семье его старшего сына Антона, с которым он жил по уговору вместе, по отделении младшего, была «истинно райская тишина», как выражался он. Действительно, его сын Антон и невестка Степанида были очень мирные люди, молчаливые, добродушные.

Преимуществом вставать раньше всех, со вторыми петухами, как известно, пользуются в деревнях старики, чем они обыкновенно и любят кольнуть глаза своим молодым невесткам.

¹ Даже в пореформенную эпоху продолжали существовать «советы стариков». Хотя они и не были оформлены законом, регулирующим крестьянское самоуправление, но и, не признанные официально, продолжали оказывать влияние на внутреннюю жизнь общины, осуществляя контроль за деятельностью старост, суд по нормам обычного права и т. п. В состав этого «ареопага» попадали обычно люди трезвого ума, большого жизненного опыта, высокой нравственности. В деревне они почитались «хранителями старозаветных преданий».

Но этим преимуществом редко удавалось похвастаться Абраму. Антона не приходилось ему будить. Когда еще старик начинал только кряхтеть на печи и расправлять свои старые кости, Антон большею частью уже поспевал умыться, разбудить жену. А когда показывался первый бледноватый свет, он уже выезжал из деревни, первый размахивая вереею в околище, молился на видневшуюся вдаль колокольню погоста, надевал шляпу, тихо и ласково вскрикивал на лошадь и, торопливо шагая, пропадал вместе с нею в густой мгле стоявшего над потным, болотистым лугом утреннего тумана. Когда же Абрам наконец соскакивал с печи и, почесываясь, подходил к окну, чтобы справиться о погоде, у Степаниды уже ярко горело и трещало на очаге пламя и кипел в чугунах картофель. Пока дед молился, кладя истово, «по старине», низкие поклоны, на улице раздавался пастушеский рожок, хлопанье и скрип ворот, рев сбиравшейся скотины и вскрикивание баб, а Степанида, с нежными приговорами, выгоняла, осеняя крестным знаменем, своих коров и телок, медленно выходивших из теплого, парного сарая на свежий утренний воздух. После молитвы деду Абраму не оставалось ничего больше, как только сердито окрикнуть черного кота, забравшегося на стол. Как и все старики, ворчливые с утра, Абрам читал коту длинную нотацию, не упустив случая ругнуть при этом Степаниду и продолжая нравоучение на дворе, обращаясь уже к хромоногому старому Волчку, только что вылезшему из своей теплой конуры и сладко потягивавшемуся навстречу старику.

Часам к семи утра старик тихонько приотворял дверь в мою половину, и если замечал, что я начинаю ворочаться, то говорил: «Не наставить ли?» – и, предварительно разбудив своего приемного внука, принимался разводить с ним самовар. В продолжение получаса я мог слышать, как дед обучал внука «порядку». Утренний чай мы всегда пили вместе; впрочем, по какому-то обету, Абрам пил не чай, а только кипяток². Я всегда приглашал Васю. Старик недовольно покачивал головой, говорил, что это «баловство», но в конце концов соглашался и ограничивался тем, что обучал внука «учливости».

– Сядь с глаз подальше!.. Не егози перед глазами у старшего! – приговаривал он, отхлебывая кипяток. – Не болтай ногами – беса тешишь!.. Чего сахар слюнявишь? Кусай учливей! и т. п.

Вася только бойкими взмахами своей кудрявой головы откидывал волосы со лба, и видно было, что он не особенно боялся своего названного деда. Он и сам был не прочь сделать ему выговор. Нередко, во время увлечения деда каким-нибудь рассказом, Вася вдруг конфузил его замечанием: «Утри, дедушка, бороду-то! Вишь, распустил потоки, а еще перед барином сидишь!» – и дед, молча и послушно, спешил принять к сведению замечание шестилетнего внука. Так они и вообще мирно жили, уча и наставляя друг друга, пока дело не доходило до такого явного непослушания с одной стороны, как, например, высовывания языка в ответ на самые солидные моральные истины, и до окончательного решения наломать гибких прутьев – с другой. Впрочем, тем пело и кончалось. Шестилетний внук, конечно, умел бегать лучше, чем шестидесятилетний дед.

На другой же день моего пребывания в деревне мы с дедом Абрамом вели за чаем такую беседу:

– Ну, что, дедушка Авраам?

– Ну-у, Авраам! Какой я Авраам, – улыбаясь, перебивал он меня. – Я не от Авраама иду... То Авраам, а то Абрамий-мученик... Так вот я откуда – от мученика!³

² Влияние раскольников традиций. Раскольники считали чай бесовским напитком, равно как и курение табака.

³ Возможно, имеется в виду Авраамий (в мире Афанасий) иеромонах, расколоучитель школы Аввакума и его сподвижник. За упорство в пропаганде был сожжен. Оставил сочинения «Челобитная» (царю Алексею Михайловичу на новшества Никонеры), «Послание о последнем времени, ответ Павлу Крутицкому и властям», «Щит веры» и «Об антихристовой нестрообразной прелести». Учение о том, что антихрист уже пришел в мир, впервые развил Авраамий, сочинения которого очень почитались раскольниками. *Авраам* – библейский патриарх; для героя рассказа такое название лестно, так как придает ему черты основателя крестьянского рода, хранителя вековых крестьянских традиций, деревенского патриарха.

Тем не менее было заметно, что ему очень нравилось, когда я его звал дедушкой Авраамом.

– Что ж, доволен ты своим положением?

– Доволен, – твердо произнес старик, выпрямляясь и сановито поглаживая бороду, – не хочу грешить, прямо говорю – доволен. Слава тебе, господи! Потому я, Миколай Миколаич, что требуется от жизни, все исполнил, привел в закончание. Слабому опору оказал, тем, значит, и предел положил.

– То есть как это слабому?

– Так и есть. В чем всей нашей жизни положение состоит?

Дедушка Аврам любил иногда порезонерствовать, вероятно, оттого, что придерживался негласно «старинки» и часто беседовал с раскольничьими начетчиками.

– В чем же? – спросил я.

– А в том и есть, чтобы слабому опору оказывать. Пораскинъ-ка умом-то, ан оно так и выйдет. Сызначала, когда я, по младенчеству своему, слаб был, родители мне опору оказывали. Возрос я, родителям своим, по дряхлости ихней, подпору обязан оказать... Так ли? У самого малыши пошли, их обязан в возраст произвести, ихней слабости поддержку дать. Поставил их на ноги – ну, и предел, значит, свой положил.

– Ну, а внучки? – кивнул я на Васю.

– Внучки – уж это сверх всего, это уж не в пример прочему. Это уж смотря как, значит, привержен, – говорил он, поглаживая по голове внука, подошедшего за стаканом к столу, – это уж смотря по послушности да смиренству перед дедом, – прибавил он, улыбаясь.

– Правду ли я говорю, как по-твоему? – спросил он меня и, не дожидаясь ответа, продолжал: – И во всем так подобает: в начальстве состоишь – слабого охрани, избытком от бога награжден – слабому поддержку окажи... Вот оно, значит, какое нам в жизни произволение! В том и до конца живота твоего держись.

– И детьми твоими ты доволен?

– Детями доволен. Дети у меня, надо правду тебе сказать, на редкость дети! Потому я их держал в послушности, в страхе божием. Вот, примером, Антон – изойди всю волость, такого к работе приверженного не найдешь. А смиренства, тихости, так по нынешним временам и нигде не встретишь! Чтобы он кому сгрубил, кого обидел или обманул – этого никогда запомнить даже нельзя! Истинно землелашец! Земле радеет, И жену ему бог дал, не хочу грешить, бабу правильную... Тоже тихостью да смиренством перед всеми взяла; кабы родных деток им, так и совсем бы благословенное семейство было, да вот не дает бог! Как-то уж у них и в работе-то эдакого удовольствия как будто не видно. Взяли вот мальчика, хоть и близкая родня, а все же не свой... Думается им: воспитаешь его, на него всю ласку положишь, а он, в возраст придя, тебе же укоры делать станет. От своего это точно снесешь, а от чужого-то как будто и обидно.

– А второй твой сын какой?

– Платон-то Абрамыч?

– Да.

– Про Платона Абрамыча – слов нет, вот он каков, Платон-то Абрам ыч! – говорил внушительно и с расстановкой старик всегда, когда речь заходила о младшем сыне. – Платон Абрамыч – голова! Пройди по всей округе, спроси: знаешь Платона Абрамыча? – и нет того человека, чтоб его не знал.

– Умом, значит, взял?

– Рассудком! Головой взял! Он с младости уж был отмечен. Да как я тебе скажу: стояли у нас уланы, а Платон-то Абрамыч в те поры еще маленький был, так – с бабий наперсток. Вот эти самые уланы накупят пряников, орехов и давай кричать ребятишкам: «Кто в ноги поклонится? выходи!» Ну, ребятишки глупы, сосут кулаки-то, да смотрят, а мой Платошка сейчас – хлоп в землю, не 1в пример прочим, так все только диву даются – откуда такая, значит, у него ко всему

применительность!.. Ну, и накидают ему уланы полон подол гостинцев... Отцы-то да матери только и кричат: «Экое счастье этому Платошке Абрамову! Дает же господь такой разум еще во младости! И в кого бы он такой выдался?» И я вот тоже не придумаю...

– Побойчее, выходит, Антона?

– Где ж Антону против него! Антон смиренен, душевный крестьянин – слова нет, только против Платона Абрамыча да и помыслить ему нельзя! Платону Абрамычу от всех почет, уважение...

– Он где же теперь живет и чем занимается?

– Занимается он, братец ты мой, по коммерческой части. Еще выюношей он к землепашеству охоты не возымел... Это уж как кому: у всякого свой талант. Вот Антон – совсем земельный человек... Он только землей да крестьянским обиходом и крепок. Отбей ты его от земли, от дома – он и совсем сгиб. Его, как и всякого крестьянина земельного, забить недолго. А Платон Абрамыч – тот в горожанина пошел, по матери (они ведь у меня от разных матерей; вторую-то жену я из городской слободы взял). Платон Абрамыч сам себе, своим рассудком, и супругу снизискал: верст за пятнадцать отсюда, вдову, денежную вдову... Ну, к ней в дом и вошел; дом у нее собственный, после мужа остался. Я его, Платона-то Абрамыча, по обычаю отделил, что, выходит, на его часть из нашего имущества приходилось.

– А ты часто у него бываешь?

– Часто. Я люблю к нему ездить. К родителю они с супругой почтительны, любящи. Приедешь, а они оба, ровно вперегонку, около тебя ухаживают: «Тятенька, вы бы водочки выкушали! Да ты что, тятенька, отварную-то воду одну дуешь? Помилуйте! Да мы вам церковного винца подпустим в стаканчик-то!» Так это, братец ты мой, своей услужливостью проймут, что ровно масленицу маслуешь у них! Ей-богу! Истинно обходительные люди! Конечно, по коммерческой части без этой повадки нельзя! А ввечеру народ к ним соберется, гости, господа не в редком быванье, и все это к Платону Абрамычу с уважением, ну, и к тебе, к родителю, уж кстати также, по сыну. Лестно!

– Отчего ж ты с ними не живешь? Они люди богатые, к тебе услужливые... Слаще ведь пироги-то есть, чем тюрю с квасом хлебать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.